

Часть Вторая

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ

Homo sum: humani nihīl
a me alienum puto

/Publius Terentius/*

Рассматривая личность любого человека как представителя определенного народа, в ней выделяют те черты, которые характерны для подавляющего числа его соплеменников, поскольку черт, присущих поголовно представителям в своей нации, просто нет. Вывод как-то "положительные" и "отрицательные" крайности народов, Николай Бердяев писал, что француз - либо догматик, либо скептик; немец - либо мистик, либо критик; русский же - либо апокалиптик, либо нигилист, причем апокалиптичность легко переходит в нигилизм и наоборот.

Замечено, например, что выражение "self-made man" ^{**}именно потому употребляется по-английски, что это качество характерно для англосаксов. Что касается русских, то Петр Чаадаев давно отмечал:

"Иностранцы ставят нам в достоинство своего рода бесшабашную отвагу... Они не видят, что то же самое начало... делает нас всегда неспособными к углублению и настойчивости".

/ИЮ, с.46/

С другой стороны, абсолютизировать качества представителей различных наций было бы неверно. Неизвестно, насколько правомерно выражение "echt Deutsch" ^{***}, но сказать аналогичное о русском - крайне затруднительно.

Поэтому этические качества чаще рассматриваются как бы "интернационально", как и качества собственно личности - доброта, глупость, меланхоличность, развращенность и т.п. Нравственные свойства - как добра, так и зла - это личные, сугубо индивидуальные категории, хотя Франц Кафка и разграничивал их, считая, что все добродетели индивидуальны, а все пороки социальны. Отметим, что писатель говорит не о национальной, а о социальной принадлежности. Вот почему, например, говоря о глупости, Дмитрий Мережковский не имеет в виду глупого грека или чукчу - он лишь делает вывод, что глупость есть не отсутствие ума, а его несоответствие с волей, т.к. большая воля при малом уме и является глупостью.

Итак, разум, чувства, воля совершенно индивидуальны. Вот их проявления могут иногда объединяться в соответствии с национальными особенностями, хотя и это достаточно условно. То, что Михаил Лермонтов в своем романе понимает под страданиями и наслаждениями, может быть отнесено к представителю любой национальности:

"Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого... Душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так и должно".

* я человек: ничто человеческое мне не чуждо /лат., Публий Теренций/

** человек, сделавший себя сам /англ./

*** чистый немец /нем./

§ II. Религия и атеизм. В характеристике любой человеческой личности очень важным является вопрос о религиозности или, как говорят французы, *profession de foi**. Справедливой было бы сказать - вопрос о вере в Бога, т.к. и самый яростный атеист исповедует некую веру, хотя его религиозность и негативна, безбожна. Следовательно, вопрос надо сформулировать так: верит ли человек в Бога или он искренне, всей душой верит в то, что никакого Бога нет. Ответ на этот вопрос, естественно, сугубо индивидуален. Вряд ли мы найдем целый народ, который поголовно исповедовал бы ту или иную религию либо сплошь был бы нацией безбожников. Этого не смогли добиться ни шариат у мусульман, ни инквизиция у христиан, ни даже гестапо и КГБ в тоталитарных государствах.

Однако можно с определенностью отметить, что проявления как веры в Бога, так и безбожия все-таки имеют некоторые национальные черты. Так, у нас издавна считалось /и эту точку зрения разделяли многие значительные мыслители/, что религиозность есть чуть ли не основная черта русского народа. С этим можно было бы безоговорочно согласиться, если бы в понятие религиозности включалась также и религиозность отрицательная. Но нет: имелся в виду лишь позитив, лояльность к Русской Православной Церкви, хотя иногда проскальзывали многозначительные оговорки. Так, Василий Розанов в своем "Уединенном" /1912 г./ признается:

"Русская церковь представляет замечательное явление..."

но уже на следующей странице добавляет:

"Православие в высшей степени отвечает гармоническому духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу". /74, с. 62, 63/

А все ли русские могут похвастаться наличием гармонического духа?

К тому же слепая вера, отрицающая любое знание, кроме явленного в Писаниях, есть только "*credo quia absurdum*"** то есть вовсе не то же, что внутренняя убежденность веры, так ярко противопоставленная будничному проявлению свободы слабой воли Аврелием Августинем Блаженным еще в 427 году:

"Следует внимательно и зорко различать возможность не грешить и невозможность грешить... в первой выражается свобода воли: я м о г у не грешить; вторая значительно выше: я н е м о г у грешить". /"Об упреке и Благодати"/

Русский человек гораздо реже проявлял просветленную, искреннюю религиозную убежденность /кстати, характерную для всех слоев общества/, чем невежественную слепую веру /больше характерную для "низов" общества/ или веру "по привычке" /у "верхов"/, легко переходящую в ложно понятую свободу воли, вплоть до отказа от Бога /у той части "верхов", которая стала интеллигентней/. О безрелигиозности интеллигенции уже упоминалось выше в связи с "веховской" точкой зрения на нее. "Веховец" Петр Струве даже считал эту безрелигиозность "ключом к революции".

Так и случилось. Интеллигенция наконец-то донесла до масс "свет научной мысли", и необразованная масса восприняла три простых тезиса: Бога - нет, царь-Богопомазанный - слабак, власть - наша. Через десять лет после захвата власти большевиками Зигмунд Фрейд писал о том, что происходит в народных мозгах в результате такой обработки масс:

"Если я не смею убивать своего ближнего только потому, что Господь Бог запретил... но мне становится известно, что никакого Господа Бога нет... я, разумеется, убью ближнего без рассуждений" /107, с. 127/

* исповедание веры /франц./

** верую, ибо нелепо /лат./ - усеченная фраза из трактата Квинта Септимия Тертуллиана "De corpore Christi" - "О Теле Христовом"

Таков был результат "священной миссии русской интеллигенции". Но почему случилось так именно с русским народом? С тем народом, который в глазах великого Достоевского лишь за два десятилетия до ужаса 1905-1917 годов был "народом-Богоносцем"?

Здесь следует разобраться в сущности того атеизма, который насаждался на русской почве, ибо это совершенно особая форма безбожия. Еще до вселенской катастрофы, разыгравшейся в 1917 г. в России, Дмитрий Мережковский писал в статье "Сердце человеческое и сердце звериное":

"Критический атеизм - пустое место в религии; не отрицание Бога, а лишь отсутствие вопроса о Боге: Необходимая предпосылка социал-демократии как религии - атеизм не критический, а догматический; не критическое отрицание вопроса о Боге, а догматическое утверждение, что Бога нет; вера в небытие Божие, по степени мистики совершенно равная вере в Бога". /57, с.149/

В самом деле, атеистами можно назвать многих древнеиндийских, древнекитайских, древнегреческих и древнеримских философов; вероятно, среди их последователей было немало и нефилософов - однако никаких катастроф, подобных 1917 году, не было. Возрождение, как ответ на мрак средневековья и инквизиции, имело ярко антиклерикальный характер - но опять без вселенских катастроф. Даже атеистический пафос просветителей вызвал у их последователей, робеспьеров и маратов, лишь желание "поприжать попов" на смехотворную попытку ввести искусственный "революционный культ Разума".

Догматический атеизм Маркса, соединенный с коммунистическим экстремизмом, уже попахивал кровью. А русская интеллигенция почувала в этом реальную возможность расправиться со всеми этими "помазанниками Божиими" и начала агитацию в народе. К тому же из совсем другого лагеря пришла неожиданная поддержка: настоящий восторг вызвало то, что у поэта-философа Фридриха Ницше атеизм /по его словам/ "вытекал из инстинкта". Не знал философ-аристократ, презиравший толпу, что та самая "чернь", о которой он писал в "Заратустре" /см. цитату в § 9/, получает страшное оружие и от него тоже; поэтому уже в "Генеалогии морали" он писал, что атеизм для него

"...является внушающей благоговение катастрофой двухтысячелетнего воспитания в стремлении к истине, в конце концов восстающей против лжи, заключенной в вере в Бога". /63, с.144/

Не учел рафинированный эстет Ницше, что атеизм, а с ним и культ Сверхчеловека /каковым, собственно, и являлся Человекобог/ безвредны лишь в мозгах у кучки заговорщиков, которые сначала в "дешевых ресторанах" Лондона* мечтали о власти в России, потом в дешевых пивных Мюнхена мечтали о власти в Германии, но не были способны пошатнуть устои даже самой крохотной европейской страны. Но если их ядом пропитывались тысячи читающих, а те способны были вложить оружие в руки миллионов полуграмотных и безграмотных, озлобленных и ослепленных - то это действительно оборачивается катастрофой, только не воспитания, а всей цивилизации!

Воистину страшно именно это самое *grassa ignoratia***, озлобленное и вооруженное, направляемое кучкой банатиков. Знаменательно, что другой знаменитый немец, старший современник Ницше, могущественный канцлер Отто фон Бисмарк, обронил как-то, что хотел бы увидеть социализм воплощенным в какой-нибудь стране, чтобы остальное человечество полюбовалось на результат и навсегда от всего этого отказалось.

* по свидетельству М. Горького /см. очерк "В.И. Ленин"/

** грубое невежество /лат./

Такие страны нашлись, даже две: не забудем, что Гитлер воплотил на родине Ницше и Бисмарка именно социализм, хоть и "национал". Это обернулось трагедией длиной в двенадцать лет для одного из культурнейших народов мира, когда над ним господствовало "грубое невежество" нацизма. Но первой такой страной была именно Россия, и воистину страшно то, что над ней социализм в виде марксизма-ленинизма господствовал гораздо дольше: успели смениться поколения!

Безграмотные крестьяне, став "пролетариатом" и едва выучившись грамоте, что могли почерпнуть из большевистских листовок, газет, а потом из декретов и указов? Только то, что надо крушить попов, реквизиловать церковные ценности, надругаться над святынями Александро-Невской и Троице-Сергиевской лавр - даже над мощами св. Сергия Радонежского. Что могло дать читающим новое, "пролетарское" искусство? Идиотических "соколов" и "матерей" Горького? Мерзостную поэму прекрасного поэта Блока?

"Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!"

"Ужь я темячко
Почешу, почешу...
Ужь я ножичком
Полосну, полосну!"
/"Двенадцать"/

Может быть, верноподланическую галиматью законченного морфиниста Брюсова или кровавую бредятину умалишенного "председателя Земного шара" Хлебникова?

"Горе, горе! Умер Ленин!
Вот лежит он, хладен, тленен..."
/В. Брюсов/

"А потом господ
Полосну, полосну!
Крови лужица!
В глазах кружится!"
/В. Хлебников/

Может быть, исключительно наглую нецензурщину и вызывающий антиэстетизм громоподобного хама Маяковского?

"Белогвардейца - и стенке.
А Рафаэля забыли?
А почему не атакован Пушкин?"
"Бумаги гладь
облёвывает
пером
концом губы поэт,
как блядь
рублевая"

Может быть, вчерашнему крестьянину стоит обратиться к стихам "крестьянского поэта", запойного алкоголика и любимца новой власти Есенина с его вполне атеистической похабщиной?

"Пою и взываю:
Господи, отелись!"
"Тело, Христово тело
Выплываю изо рта".
"Богу выщиплю бороду,
Молось ему матерщиною."
"Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны..."

А как могла подействовать на неокрепшее сознание чудовишная трескотня всех этих "процессов церковников", на которых полуграмотные обвинители пытались уличить в преступлениях Патриарха всея Руси? Да, было от чего свихнуться!

Началось же все, конечно, раньше - в 1905. Жесткие меры А. Столыпина по прекращению грабежей, разбоя и бандинтизма лишь на время успокоили бурю разгула. Уже весной-летом 1917 года пожар вспыхнул с новой силой. Не успокоился он и после октября, умело поддерживаемый теперь уже самой властью из Кремля. Бывший "народ-Богоносец" перестал пахать и сеять, пошел к "красным" или к разноцветным "батькам" за легкой наживой. А городские крестьяне /ведь назвать их пролетариатом *per se** совершенно невозможно - скорее уж люмпен-пролетариатом/, вместо того, чтобы привести свои заводы в довоенный порядок, собирались на митинги и манифестации в защиту Венгерской Советской Республики и угнетаемого английским империализмом народа Индии, или для гневного протеста против контрреволюции вообще и конкретных контрреволюционеров в частности.

Было не до веры. А вот с Церкви было что взять. И брали: реквизиция следовала за реквизицией, при беспомощном молчании большинства священства. Правда, было мужественное выступление Патриарха Тихона, предавшего безбожную советскую власть анафеме, но большевики изолировали Патриарха /впоследствии сломив его волю/ и продолжали грабёж. В защиту веры выступили лишь крестьяне, но несколько стихийных восстаний 1918 года были жестоко подавлены - в том числе и героем гражданской войны Тухачевским.

А после 1922 года началось неослабное, тотальное, грубейшее по своим формам давление власти на Церковь: запрет колокольного звона, снятие крестов с церквей, реквизиция их ценностей, закрытие большинства приходов, физическое уничтожение непокорного священства и даже попытка установления нового /без воскресений/ календаря. И так - весь советский период, с небольшим послаблением на время войны с Германией. Даже в начале шестидесятых годов вспыхнула очередная антирелигиозная кампания с закрытием храмов. Итогом же семидесятилетней борьбы с христианством уже к концу восьмидесятых стало фактическое признание коммунистами своего полного поражения.

Интересное сопоставление антирелигиозной борьбы в ходе двух революций - русской и французской - дает А. Солженицын в статье "Черты двух революций" /см. сборник "Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси". М., 1991/. Мы же обратимся к свидетельствам другого Нобелевского лауреата, Ивана Бунина, бывшего живым свидетелем мерзостей обезбоженного общества. Эти мерзости, подобно метастазам, поразили весь народ - сверху донизу, от пьяной поэтической богемы столиц до озверевшего от водки крестьянства, ошпыливающего до крови несчастных павлинов в опустевших помещичьих усадьбах. Вот несколько выразительных отрывков из дневника писателя /см. 20, сс. 25-170/:

"22-го /октября 1917 г. - С.К./ во втором часу пленный из Предтечева, верхом - громят Глотова. Я ждал Казанской /церковный праздник - С.К./, многое убрал, - самогонка, праздник и слух о 20-м октябре, о выступлении большевиков... Через час - пьяный мужик из Предтечева: "Там всё бьют, там громят, мельницу Срезневскую разнесли..."

/23.10.1917 Бунины уехали из деревни, где стало небезопасно, в Москву, через уездный город Елец - С.К./
"24-е пробыли в Ельце. Отовсюду слухи о погромах имений... Жгут хлеб, скотину, свиной жарят и пьют самогонку. У Ростовцева всем павлинам голову свернули..."

/26.10.1917, на следующий день после переворота в Петрограде, Бунины, наконец, добираются до Москвы - С.Р./
 "27-го был в городе - везде равнодушие - "а, вздор, это уже давно говорят..." В пять - к Телешовым... На углу Пречистенки бабы - "большевики стреляли в икону"..."

Вот так и вошла революция в жизнь России: с пьянством в религиозный праздник и одновременным расстрелом икон. Какой еще народ чуть ли не с вдохновением поет такую песенку:

"Я мать свою зарезал,
 Отца свавсе убил,
 А младшую сестренку
 Невинности лишил". - ?

Да и вообще, где еще в мире есть такая умиленная тяга к безбожным, надрынным, матерным - хулиганским или арестантским, воровским или каторжным - песням?

И в заключении наших рассуждений - еще раз Бунин. Вот несколько выдержек из речи "Миссия русской эмиграции", произнесенной в Париже 16 февраля 1924 года /см. цитированный выше источник, сс. 349-356/:

"Главное же - надо лишить толпу "опиума религии", дать вместо Бога идола в виде тельца, проше говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот "планетарный" скот - другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру... нечто чудовишное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек..."

"Планетарный же злодей, осеженный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах пробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Каину, учить семь заповедей Ленина..."

"Поистине, действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще - от имени России..."

И наконец:

"А кроме того, есть еще нечто, что гораздо больше даже и России и особенно ее материальных интересов. Это - мой Бог и моя душа".

§ 12. Свобода и рабство. О свободе per se философы говорят не как о физическом, а как о духовном явлении. Иные настаивают на трансцендентальном и трансцендентном⁺ характере свободы. Так, Н. Бердяев считает, что

"Дух же есть свобода, а не природа. Свободе принадлежит примат над бытием. Бытие есть остывшая свобода". /5, с. 433/

Тем не менее, свобода может быть как внутренней /личной/, так и внешней /политической, религиозной, общественной etc/. Для Жана-Поля Сартра она явно высшая ценность - более того, фундамент всех ценностей вообще. В книге "Бытие и Ничто" он пишет:

"Моя личная свобода является единственной основой ценностей, и ничто, абсолютно ничто не дает мне оснований признать ту или иную ценность, тот или иной источник ценностей... Бытие ценностей держится на мне". /77, с. 18/

+ трансцендентальный - изначально присущий рассудку, не приобретенный из опыта, но обуславливающий опыт, предшествующий ему - как пространство, время, причинность, необходимость; трансцендентный - недоступный познанию, лежащий по ту сторону опыта, находящийся за пределами опыта /от лат. transcendentis - "выходящий за пределы"/

Многие русские мыслители были убеждены в том, что любовь к свободе - коренное свойство русского народа. С этим можно согласиться лишь отчасти. Если говорить о свободе "внешней", то действительно, Россия никогда не была колонией со времен монголо-татарского ига и, даже потеряв в войне значительные территории, неизменно возвращала их, и даже с лихвой /как после войн 1812, 1914 и 1941 годов/. Однако при этом внутри страны сохранялось жестокое рабство - крепостническое или коммунистическое. А социальное рабство есть такая же "внешняя" несвобода, как и колониальное.

Свободолюбив ли русский в плане личном? Однозначного ответа и здесь, пожалуй, нет. Истина в этом плане настолько индивидуальна, что не позволяет делать обобщений ни по нации в целом, ни в "классовом" отношении. Сколько дворян были духовными, да и социальными /должностными/ рабами! Вспомним хотя бы хрестоматийный пример с барыней - рабыней предрассудков и прихотей - ии и ее рабом Герасимом из тургеневского рассказа "Муму". Особого рассмотрения требует специфически русское явление "вольницы", к которому мы обратимся далее в этом параграфе.

"Внешняя" свобода - то, чего так жаждут "свободолюбивые" /если воспользоваться газетной терминологией недавнего прошлого/ течения и даже целые народы, неоднородна как по той сущности, которую в нее вкладывают, так и по способам ее достижения. Пушкин, например, целые народы уподоблял мирным стадам скота на лугах:

"Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич,
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич".

/"Свободы сеятель пустынный... "1823/

Однако не все народы уподоблялись скотам, легко поддающимся своим режущо-стригущим хозяевам. Иногда их жизнь и шерсть переходили в их собственное распоряжение путем кровопролитной борьбы. Вспомним хотя бы всю Америку - от США на севере до Чили на юге; вспомним Грецию, Болгарию, крохотную Черногорию и другие страны. Другие добивались свободы мирными средствами - от Ирландии на западе Европы до Гонконга на востоке Азии и от Финляндии до государств Южной Африки.

Здесь напрашивается длинный /да простится мне это во имя выразительности/ пассаж из прекрасной статьи 1944 года "Рождение свободы", написанной русским философом и социологом Георгием Федотовым:

"Наша свобода - не свобода воли, т.е. выбора, которую ничто, никакое ослепление греха или предрассудков не способно до конца отнять у человека; такой свободой обладает и комсомолец и член Hitler-Jugend. Это и не свобода от страстей и потребностей низшей природы, к которой стремятся стоический философ и аскет... Но это и не динамическая свобода социального строительства и разрушения, которой охвачена фашистская молодежь, отдавая свою личную волю в полное подчинение вождям ради этого чувства коллективной мощи и власти. Наша свобода - социальная и личная одновременно... Это свобода личности от общества - точнее, от государства и подобных ему принудительных общественных союзов. Наша свобода отрицательная - свобода от чего-то, и вместе с тем относительная; ибо абсолютная свобода от государства есть бессмыслица".

/199/

Г. Федотов увидел наибольшее приближение к высказанным в статье мыслям в демократической системе Запада /хотя и с оговорками/; в этом он солидарен с сэром Уинстоном Черчиллем, считавшим, что эта система плоха, но она - лучшее, что было до сих пор изобретено человеком.

Чрезвычайно важен вопрос о взаимоотношениях между свободой и верой. Опираясь на одного из величайших "отцов Церкви", Аврелия Августина Блаженного, по отношению к свободе можно употребить и *anathema*, и *hosanna**. В своем знаменитом трактате "De Civitate Dei" - "О Граде Божию", 413-427 гг., он дает основополагающую формулу:

"Создали две любви два града: земной град любви к себе до презрения к Богу; град же небесный - любви к Богу до презрения к себе".

Презрение к себе! - да это же уже не "уничуждение поче гордости", это рабская покорность. Может, поэтому даже ученый иезуит Пьер Тейяр де Шарден как-то оговорился:

"Христианская покорность справедливо рассматривается и клеймится большинством честных людей". /94, т.4, с.98/

Значит, св.Августин /это у православных он только "блаженный" - у католиков и протестантов он "святой"/ проповедовал несвободу? И вся Церковь вслед за ним - тоже? Но посмотрим на еще одно высказывание этого самого именитого раннехристианского писателя: в его трактате "De libero arbitrio" - "О свободном решении" /другой перевод - "О свободе воли", 395 г./ мы читаем:

"Сама воля, стало быть, если она не будет освобождена от рабства благодатью Божьей, в котором она находится от греха, и не получит помощи для преодоления пороков, не может жить праведно и благочестиво из-за человеческой слабости".

Итак, все-таки прозвучали ключевые слова : о с в о б о ж д е - н и е , даруемое Богом, и р а б с т в о , в котором воля находится у греха. Дмитрий Мережковский в книге "Грядущий Хам" /1906 г./ формулирует этот тезис так:

"Бог есть, - значит человек свободен; человек раб, значит, нет Бога". /56, с.26/

Теперь, если наложить второе из процитированных высказываний св.Августина на его же высказывание из трактата "Об упреке и благодати" /см. § II/, становится ясно, что христианство вовсе не против свободы воли; более того, воля, освобожденная от греха, и есть личная свобода человека, который верит в Бога. Свободная воля без освобождения свыше - всего лишь свободный выбор пути греха вместо пути истинной свободы.

Часто неверно истолкованная свобода воли, как и свобода вообще, ввергает человека в еще более тяжкое рабство - рабство иллюзии свободы. Таковы европейский индивидуалистический бунт и наша отечественная "вольница" - коллективный бунт, "бессмысленный и беспощадный", по Пушкину/. Когда свобода - самоцель, когда свобода - себялюбивое утверждение личности, она не только непродуктивна, но и аморальна. В книге Н.Бердяева "Смысл истории" /1923 г./ говорится, что

"...самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека, раскрытие свободной игры сил человека, не связанное с высшей целью, ведет к истреблению творческих сил..." /9, с.110/

Во французском экзистенциализме идея свободы - своего рода *idée fixe*** и Сартр, и Камю посвятили ей многие свои произведения. Самым выдающимся из них, пожалуй, является "Бунтующий человек" А.Камю /1951/

* анафема /греч./ - проклятие
осанна /греч./ - слава, хвала

** идея фикс /франц./, навязчивая идея, один из видов психических расстройств